

Содержание

ISSN 2587-8190

Полина Семина. «Песнь Гаральда Смелого» и традиция переводного рыцарского романа	3
Константин Лаппо-Данилевский. И. И. Виноградов – переводчик Сапфо, Анакреонта и эллинистической анакреонтики.	17
Олег Ларионов. «Чувство изящного»: Антропологическая эстетика Н. М. Карамзина	57
Сергей Халтурин. «Дагерротипный список»: Проблема правдоподобности в «Сценах из народного быта» И. Ф. Горбунова.	83
Наталья Куширчук. Синкретизм искусств в прозе Бориса Пастернака. Музыкальная организация повести «Воздушные пути» (1924)	94
Роман Тименчик. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой	107

2021 XVIII (1)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
А. Ю. Балакин, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Летняя школа по русской литературе

2021 (1)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnáâ škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2021

© «Летняя школа по русской литературе», 2021

Contents

Polina Semina. <i>Pesn' Garal'da Smelogo (Ode de Harald Le Vaillant)</i> and the Tradition of the Translated Chivalric Romance.	3
Konstantin Lappo-Danilevskii. Ivan I. Vinogradov as Translator of Sappho, Anacreont and Ancient Greek Anacreontic Poetry.	17
Oleg Larionov. <i>Sense of Beauty:</i> Nikolay Karamzin's Anthropological Aesthetics.	57
Sergey Khalturin. <i>A Daguerreotype Copy:</i> Problem of Verisimilitude in <i>Sitseny iz narodnogo byta (Scenes of Russian Folk) Life</i> by Ivan Gorbunov.	83
Natalia Kushnirchuk. Syncretism of the Arts in Boris Pasternak's Prose. Musical Structure of the Novel <i>Vozdushnye puti (Air Paths)</i> (1924)	94
Roman Timenchik. From the Index to Akhmatova's <i>Notebooks</i>	107

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),

Alexey Balakin, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.

Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

СЕРГЕЙ ХАЛТУРИН
(Москва)

«ДАГЕРРОТИПНЫЙ СПИСОК»

Проблема правдоподобности в «Сценах из народного быта» И. Ф. Горбунова

В статье анализируется социокультурное значение автора и рассказчика сцен из народной жизни И. Ф. Горбунова для русской публики второй половины XIX века. Реконструируется его восприятие читателями и зрителями как источника информации о непривилегированных сословиях и как представителя одного из них.

Ключевые слова: разговорный жанр, сцены, правдоподобность, И. Ф. Горбунов, дагерротип.

Информация об авторе: Сергей Дмитриевич Халтурин, магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Москва, Россия.

E-mail: calturins@gmail.com

“A Daguerreotype Copy”

*Problem of Verisimilitude in “Scenes of Russian Folk Life”
by Ivan Gorbunov*

The article devoted to the analysis of sociocultural meaning of Ivan Gorbunov, an author and a performer of scenes about Russian common folk, for Russian audience of mid-19th century. I try to reconstruct reception of Gorbunov’s scenes as a source of information about non-privileged social classes.

Key words: solo performance, scenes, verisimilitude, Ivan Gorbunov, daguerreotype.

About the author: Sergey Khalturin, MA student at National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia.

E-mail: calturins@gmail.com

DOI 10.26172/2587-8190-2021-17-1-83-93

Деятельность рассказчика «сцен из народного быта» И. Ф. Горбунова разворачивалась на фоне литературных и театральных текстов, претендовавших на правдивое изображение народа и получивших распространение в русской

литературе 1850–1860-х годов Горбунов сочинял и сольно исполнял сценки, рассказы и монологи, разыгрывая сюжеты из жизни крестьян, купцов и фабричных рабочих, имитируя разные манеры речи, тембры, мимику и жестикуляцию. Благодаря покровителям, главные из которых — А. Н. Островский и И. С. Тургенев — он быстро стал популярным рассказчиком, выступал в частных гостиных купцов и дворян, а уже через год после начала карьеры его впервые пригласили читать сцены при дворе. Вскоре он начал устраивать собственные творческие вечера и с 1860-го года стал гастролировать по стране. Горбунов стал первым в России профессиональным артистом разговорного жанра, открыв путь для многочисленных подражателей и продолжателей его традиции.

Феномен успеха Горбунова, как и других артистов и писателей, обратившихся к народной теме в 1850–60-е годы, объясняется в том числе возросшим в это время общественным интересом к народу. Время либеральных реформ Александра II и особенно крестьянской реформы породило запрос на узнавание народа, об обустройстве жизни которого велись споры. Так, С. В. Максимов, приятель Горбунова, связывал его триумф с ситуацией в российском обществе того времени: «Появление Горбунова с необыкновенным успехом на первых же порах на сцене, в тех же антрактах, было в самом деле очень знаменательно. Оно благоприятно совпало с эпохой всенародного покаяния, очищения и всевозможных преобразований».¹

В этой статье, чтобы оценить социокультурное значение творчества Горбунова для его эпохи, я обращаюсь к культурно-исторической теории В. Беньямина, в частности к его эссе «Рассказчик» (*Der Erzähler*, 1936). Опираясь на теоретические построения Беньямина, я пытаюсь установить, почему повествование Горбунова стало важным явлением в культуре России второй половины XIX века, в чем была его значимость и интерес для публики, а также чем Горбунов выделялся из ряда авторов литературы о народе середины XIX века и как это влияло на рецепцию его творчества.

¹ Максимов С. В. Из давних воспоминаний // Горбунов И. Ф. Соч.: [В 3 ч.]. СПб., 1907. Ч. 3. С. 156–157.

Одной из главных характеристик творчества Горбунова, которую отмечали критики, читатели и слушатели, была «правдоподобность» его образов. Один из самых ранних критических отзывов на творчество Горбунова появился в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1855 году. Автор фельетона предваряет рассказ о Горбунове вступлением, посвященным французскому рассказчику Анри Монье, особенность которого была в том, что он «мастерски подмечал типические особенности французского народа, в особенности же французского *буржуа* (курсив автора. — С. Х.), и передавал их в драматизированном рассказе с поразительной верностью». Горбунов для петербургской публики — «свой Ганри Монье, который, пожалуй, не только не уступит парижскому, но и перещеголяет его со временем». Как и его французский коллега, Горбунов «с поразительной верностью схватывает речь простолюдина, торговца и т. д., передает ее со всеми ее особенностями, недомолвками, преувеличениями, соображаясь с типическими отличиями избранного им лица, и при этом представляет вам, как актер, самое лицо, с не менее поразительной верностью».¹

И Горбунов, и Монье, по мнению рецензента, умело подражают речи простого народа и изображают его представителей как литературными средствами в своих текстах, так и в актерской игре. Сценические перевоплощения особенно занимают корреспондента газеты:

Есть у г. Горбунова драматизированные рассказы, в которых участвуют несколько лиц, и когда он читает их, вы видите перед собой всех этих лиц: каждое из них г. Горбунов оттеняет всеми отличающими его особенностями, каждому придает приличную, ему одному свойственную речь и даже особенный звук голоса. Слушая его из другой комнаты, вы легко можете обмануться и подумать, что говорят несколько человек, а не один. Есть у него также драматизированные рассказы, представляющие полную картину какого-нибудь быта. Из этих рассказов не исключены и женщины, хотя они, разумеется, удаются менее, чем мужчины. Число типов, подмеченных и передаваемых г. Горбуновым, довольно велико, но в особенности удаются ему простолюдины.²

¹ [Б. п.] Фельетон // Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 182. 21 авг.

² Там же.

Правдоподобность становится отличительной чертой не только выступлений Горбунова, но и его литературных опытов. В заметке в «Санкт-Петербургских ведомостях», посвященной обзору литературы за сентябрь 1855 года, когда Горбунов дебютировал в печати со сценами из купеческого быта «Просто случай», о тексте сообщается, что он «передает в живых сценах небольшой случай из домашнего купеческого быта».¹ Н. А. Некрасов в обозрении журналов за сентябрь 1855 года тоже обращает внимание на первое появление Горбунова в печати. Сцену он характеризует как «дагерротипный² список с купеческого разговора — разговора не интересного, не характерного и не забавного».³ Сравнение текста с дагерротипом означает, что изображение претендует на фотографическое сходство с изображаемым, однако характеристики изображаемого не удовлетворили Некрасова, поэтому он отрицательно отозвался о дебюте писателя. Однако позже, в шестидесятые годы, оба автора сблизятся и Некрасов будет способствовать выступлениям Горбунова.⁴

Когда речь идет о художественном творчестве, понятие «правдоподобности» условно. Так, Беньямин в эссе «Рассказчик» выделяет три формы сообщения: рассказывание, информацию и роман, — и противопоставляет их друг другу.

¹ [Б. п.] Фельетон // Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 210. 27 сент. Подробнее об искусстве перевоплощения Горбунова см.: Лотман Ю. М. Искусство на пересечении открытых и закрытых структур // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 174–188. О творческом методе Монье см.: *Ле Мэн С.* Представления общества о теле // История тела: В 3 т. / Под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. 2-е изд. М., 2018. Т. 2: От Великой французской революции до Первой мировой войны. С. 99–122.

² О метафоре дагерротипа в русской литературной критике 1840–1850-х годов см.: *Вожик Е. А.* Наблюдать и сочувствовать: «Псевдореализм» и литературная программа «Отечественных записок» на рубеже 1840–1850-х гг. // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 416–430.

³ *Некрасов Н. А.* Заметки о журналах на сентябрь 1855 года // Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1990. Т. 11. Кн. 2: Критика. Публицистика 1847–1869. С. 174.

⁴ Подробнее об отношениях Горбунова и Некрасова см.: *Степина М. Ю.* Некрасов и Иван Федорович Горбунов // «Карабиха»: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2009. Вып. 6. С. 191–199.

Повествование отличается от информации тем, что для него не обязательна достоверность сообщаемого:

Вести, приходившие издалека, — будь то рассказ о дальних странах или о давних временах и обычаях, — обладали авторитетом, который придавал им значимость, даже если их нельзя было проверить. Информация же претендует на мгновенную достоверность.¹

Отличие от романа — в том, что роман принципиально связан с печатным словом, а повествование существует в устной стихии, свидетельствует об опыте рассказчика или того, о ком он повествует:

От всех иных форм художественной прозы <...> роман отличает то, что он не возникает из устной традиции и не сливается с ней. Прежде всего, однако, это отличает его от рассказывания. Рассказчик черпает то, о чем он рассказывает, из опыта — из своего опыта или из опыта, о котором он узнал от других. И он в свою очередь делает его достоянием опыта тех, кто является слушателем его историй. Романист покинул этот мир. Родильной палатой романа служит обретающийся в одиночестве индивидуум, который более не способен произнести ничего оригинального по поводу самых важных для него вещей, сам лишен совета и поддержки и не может никому ничего посоветовать. Написать роман означает показать человеческую жизнь в ее предельной непостижимости.²

Рассказывание, по Беньямину, — архаическое явление, которое вытесняется из культуры с развитием книгопечатания и сохраняется в традиционных сообществах, например, в крестьянском и ремесленном сословиях, если речь идет о Европе XIX–XX веков. Мода на Горбунова в эпоху расцвета, с одной стороны, русского романа, а с другой стороны — отечественной журналистики, следуя логике Беньямина, становится последним проблеском традиционной культуры, родственным феномену Лескова, творчество которого Беньямин подробно рассматривает в статье. Тем не менее, Горбунов приобретает популярность: его приглашают

¹ *Беньямин В. Рассказчик: Размышления о творчестве Николая Лескова / Пер. А. Белобратова // Беньямин В. Маски времени: Эссе о культуре и литературе. СПб., 2004. С. 391.*

² *Беньямин В. Рассказчик. С. 389.*

рассказывать в высшем свете и при дворе, у него появляются подражатели. На наш взгляд, популярность Горбунова может быть объяснена именно «правдоподобностью» его творчества и ее особенным восприятием публикой эпохи реформ.

Несомненно, что мастерство Горбунова уходит корнями в устную традицию, где исполнение служило передаче опыта рассказчика или тех, от чьего лица он выступает. Как было отмечено выше, опыт, «след» рассказчика, свидетельствующий об аутентичности повествования — тоже важное понятие для Беньямина. Горбунов рассказывал устно то, о чем узнавал сам. В этом смысле показателен диалог, который состоялся между Горбуновым и великим князем Константином Николаевичем после выступления Горбунова на фрегате «Рюрик»: «„Где это вы насмотрелись этого? Вероятно, бывали в деревне?“ — „Был.“ — „Очень верно, прекрасно“».¹ Горбунов происходил из крестьянской семьи, жившей в селе Ивантеевка Московской губернии. Его отец работал управляющим на фабрике, поэтому жизнь рабочих и крестьян была с раннего детства хорошо знакома Горбунову. После переезда в Москву в возрасте восемнадцати лет он работал репетитором и переписчиком в купеческих домах. В рассказах и сценах Горбунова изображаются в основном крестьяне, рабочие и купцы — то есть сословия, с которыми был хорошо знаком, — или даже крестьянское сословие, к которому принадлежал сам.

Согласно концепции Беньямина, интерес к рассказчику вызывает дистанция между предметом повествования и слушателем. Беньямин выделяет два базовых вида дистанции, которые могут смешиваться: пространственную, когда повествователь изображает дальние страны, или временную, когда пересказываются древние поверья и предания:

[Рассказчики] как известно, делятся на две группы, которые, впрочем, значительно смешаны друг с другом. Фигура рассказчика во всей своей полноте предстает лишь перед тем, кому знакомы обе эти группы. «Кто свет повидал, тот за словом в карман не полезет», — гласит пословица

¹ Шереметев П. С. Материалы для биографии. И. Ф. Горбунов // Горбунов И. Ф. Соч. Ч. 3. С. 526–527.

и числит в рассказчиках тех, кто пришел из далеких краев. Однако не менее охотно слушают и того, кто «пахал не лениво и прожил счастливо» у себя на родине, знает ее истории и предания.¹

В творчестве Горбунова есть черты и того, и другого. Например, когда он воспроизводит в рассказах фольклор ивантеевских крестьян, слушатели имеют дело с временной дистанцией, а когда на гастролях в Одессе изображает петербургских фабричных мужиков, — с пространственной. Однако для выступлений Горбунова в аристократических гостиных оказывается значимой еще одна, не описанная у Бенъямина дистанция между рассказчиком и слушателем — социальная.

Слушателям Горбунова, среди которых были представители высших сословий, были интересны его рассказы именно потому, что он изображал людей, которые жили в то же время и в том же месте, что и слушатели, но принадлежали к другому сословию. Это было время реформ, в том числе крестьянской реформы, когда в обществе обсуждались вопросы, связанные с народом. Рассказы Горбунова воспринимались не только как художественный текст, но и как достоверный источник информации о народе. Например, вот что писала газета «Санкт-Петербургские ведомости» в первые месяцы выступлений Горбунова в столице:

Г. Горбунов <...> успел уже приобрести обширную известность, особенно в высших слоях нашего общества, имеющих мало столкновения с низшими, и для которых, вследствие этого, рассказы г. Горбунова имеют двойную занимательность: во-первых, в художественном отношении, а во-вторых и потому, что знакомят их с незнакомым для них бытом.²

Есть свидетельства, что Горбунов исполнял в лицах сцены общения с известными людьми и — в кругу друзей — с общими знакомыми. Это еще одна ситуация, когда выступления Горбунова воспринимались не только как художественное произведение, но и как документальная зарисовка, аналог

¹ Бенъямин В. Рассказчик. С. 385.

² [Б. п.] Фельетон // Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 182. 21 авг.

фотографии, которая еще не была широко распространена в то время. Это говорит о том, что умение Горбунова подражать различным манерам речи воспринималось его аудиторией как способность документировать действительность:

В воспоминаниях о людях прошлой эпохи, писателях и артистах по преимуществу, Горбунов, обладая богатою памятью и умением в ярких образах воссоздавать прошлое, изображал, бывало, и что особенно дорого, сохраняя при этом интонацию говоривших, целые сцены и разговоры с давно умершими людьми. <...> Островский, Григорьев, Алмазов, Садовский и другие артисты Малого театра, вообще кружок „Молодого Москвитянина“ <sic! — С. Х.>, а также Щепкин, Писемский, Герцен, Тургенев, Некрасов и многие другие вызывались в памяти Горбунова и приводили на имевших счастье слушать его в эти минуты неотразимое впечатление воскрешения замечательных людей, уже давно сошедших со сцены.¹

Публичные выступления и литературные публикации Горбунова изображали прежде всего народную жизнь. В первом посмертном собрании сочинений Горбунова² его тексты были распределены по разделам в соответствии с подзаголовками, которые сам Горбунов давал большинству своих сцен: «Сцены из народного быта», «Сцены из купеческого быта», «Сцены из городской жизни», «Домашние сцены», а также «Сцены» и «Монологи». Такое деление отчасти было основано на жанровых подзаголовках, которые присутствовали и в прижизненных изданиях Горбунова, отчасти относил текст к определенной группе в зависимости от сословной принадлежности персонажей, действующих в нем.

Героями «народных» сцен становятся в основном крестьяне, часто ушедшие на работу в город или на фабрику, а также ямщики, странники и преступники. Действие разворачивается в сельской местности — в деревне, селе или на природе вблизи от села, где крестьяне занимаются промыслами. Отметим, что места из «народных» сцен (Озерецкое село, Жуков овраг, «вантеевская мельница») находятся

¹ Шереметев П. С. Отзвуки рассказов Горбунова // Горбунов И. Ф. Соч. Ч. 3. С. 345.

² Горбунов И. Ф. Соч.: [В 2 т.]. СПб., 1901.

в Подмоскowie, а некоторые — неподалеку от родного села Горбунова. Сцены, относящиеся к «городским», зачастую имеют более общий жанровый подзаголовок — «сцены», «монологи». В них действуют разнорабочие, фабричные, извозчики, купцы. «Купеческие» сцены и сцены, изображающие помещиков, относятся к отдельным рубрикам. Таким образом, с точки зрения Горбунова, «народ» представляют в первую очередь крестьяне, так как именно сцены с их участием называются «народными».

Положение Горбунова отличалось от положения других авторов литературы о народе тем, что он являлся частью этого народа, а не внешним наблюдателем, какими были, например, А. В. Григорович, Ф. М. Достоевский, А. Ф. Писемский, И. С. Тургенев.¹ Важной оказывается проблема репрезентации, которую ставит Г. Спивак в классическом эссе «Могут ли угнетённые говорить» (*Can the Subaltern Speak?* (1986)) и на материале русской литературы второй половины XIX в. рассматривает А. Огден.² Горбунов, выступая от лица крестьян и представляя их в культуре эпохи реформ, выступает в том числе в политическом смысле, создавая их образ перед людьми, которые принимают решения о судьбе крестьянства.

Рассказы Горбунова воспринимались не только в качестве художественного повествования, но и в качестве источника информации. Об этом свидетельствуют отзывы о его творчестве в «Санкт-Петербургских ведомостях». Главными чертами, которые определяли творчество Горбунова, стали достоверность, правдивость, правдоподобность его образов, воспринимаемые слушателями как источник информации об объекте повествования — народе. Ценилось и то, что он был свидетелем того народа, о котором рассказывал. Выступления

¹ См.: Журавлева А. И. Проблема народа и художественные искания русской литературы 1850-х — 1860-х гг. // Журавлева А. И. Кое-что из былого и дум: О русской литературе XIX в. М., 2013. С. 133–142.

² См.: Ogden J. A. 1) The Impossible Peasant Voice in Russian Culture: Stylization and Mimicry // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. Iss. 3. P. 517–537; 2) Peasant Listening, Listening to Peasants: Miscommunication and Ventriloquism in Nekrasov's "Komu na Rusi zhit' khorosho" // *The Russian Review*. 2013. Vol. 72. Iss. 4. P. 590–606.

Горбунова были популярны у столичной публики эпохи великих реформ потому, что воспринимались не только как художественное повествование, но и как медиа, свидетельствующее о жизни народа, а Горбунов — не только как артист разговорного жанра, но и как корреспондент. Его рассказы удовлетворяли запрос и на художественное изображение народа, как в театре Островского, и на достоверную информацию о народе, полученную от свидетеля народной жизни, как в газетах и журналах.

Это определяло объем понятия «народ» в творчестве Горбунова. Он охотнее изображал представителей тех социальных групп, с которыми был хорошо знаком: крестьян московской губернии, из которых происходил сам, фабричных рабочих, с которыми была связана деятельность его отца, купцов, у которых он работал репетитором, своих друзей. Горбунов выступал в эпоху реформ от лица народа перед публикой, которая мало знала о низших сословиях, но принимала решения, которые касались в том числе и их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беньямин В.* Рассказчик: Размышления о творчестве Николая Лескова / Пер. А. Белобратова // Беньямин В. Маски времени: Эссе о культуре и литературе. СПб., 2004. С. 383–418.
2. *Вожик Е. А.* Наблюдать и сочувствовать: «Псевдореализм» и литературная программа «Отечественных записок» на рубеже 1840–1850-х гг. // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 416–430.
3. *Журавлева А. И.* Проблема народа и художественные искания русской литературы 1850-х — 1860-х гг. // Журавлева А. И. Кое-что из былого и дум: О русской литературе XIX в. М., 2013. С. 133–142.
4. *Ле Мэн С.* Представления общества о теле // История тела: В 3 т. / Под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. 2-е изд. М., 2018. Т. 2: От Великой французской революции до Первой мировой войны. С. 99–122.
5. *Лотман Ю. М.* Искусство на пересечении открытых и закрытых структур // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 174–188.
6. *Степина М. Ю.* Некрасов и Иван Фёдорович Горбунов // «Карабиха»: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2009. Вып. 6. С. 191–199.

7. *Ogden J. A.* The Impossible Peasant Voice in Russian Culture: Stylization and Mimicry // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. Iss. 3. P. 517–537.
8. *Ogden J. A.* Peasant Listening, Listening to Peasants: Miscommunication and Ventriloquism in Nekrasov's "Komu na Rusi zhit' khorosho" // *The Russian Review*. 2013. Vol 72. Iss. 4. P. 590–606.

REFERENCES

1. *Ben'yamin V.* Rasskazchik: Razmyshleniya o tvorchestve Nikolaya Leskova / Per. A. Belobratova // *Ben'yamin V. Maski vremeni: Esse o kul'ture i literature*. SPb., 2004. P. 383–418. (In Russ.)
2. *Le Men S.* Predstavleniya obshchestva o tele // *Istoriya tela: V 3 t. / Pod red. A. Korbena, Zh.-Zh. Kurtina, Zh. Vigarello*. 2-e izd. M., 2018. T. 2: Ot Velikoj francuzskoj revolyucii do Pervoj mirovoj vojny. P. 99–122. (In Russ.)
3. *Lotman Yu. M.* Iskusstvo na peresechenii otkrytyh i zakrytyh struktur // *Lotman Yu. M. Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury*. SPb., 2002. P. 174–188. (In Russ.)
4. *Ogden J. A.* Peasant Listening, Listening to Peasants: Miscommunication and Ventriloquism in Nekrasov's "Komu na Rusi zhit' khorosho" // *The Russian Review*. 2013. Vol 72. Iss. 4. P. 590–606.
5. *Ogden J. A.* The Impossible Peasant Voice in Russian Culture: Stylization and Mimicry // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. Iss. 3. P. 517–537.
6. *Stepina M. Yu.* Nekrasov i Ivan Fyodorovich Gorbunov // «Karabikha»: *Istoriko-literaturnyj sbornik*. Yaroslavl', 2009. Vyp. VI. P. 191–199. (In Russ.)
7. *Vozhik E. A.* Nablyudat' i sochuvstvovat': «Psevdo realizm» i literaturnaya programma «Otechestvennyh zapisok» na rubezhe 1840–1850-h gg. // *Literaturnyj fakt*. 2019. № 1(11). P. 416–430. (In Russ.)
8. *Zhuravleva A. I.* Problema naroda i khudozhestvennye iskaniya russkoj literatury 1850-h — 1860-h gg. // *Zhuravleva A. I. Koe-cto iz bylogo i dum: O russkoj literature XIX v. M., 2013. P. 133–142. (In Russ.)*